

Е.Ю. Дубровская

КАРЕЛЬСКО-ФИНЛЯНДСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ 1918–1919 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ¹

Исследование посвящено малоизученным проблемам истории карельско-финляндского пограничья в необычайно сложный период 1918–1919 гг. Российская Карелия рассматривается как северо-западная территория бывшей Российской империи, включающая Беломорскую Карелию, населенную карелами и русскими. Потрясения Гражданской войны совпали с вовлечением Российской Карелии в орбиту «большой международной политики» с ее реалиями «интервенции по приглашению».

Воспоминания современников, основанные на собственном травматическом опыте их авторов, описывают события Гражданской войны и интервенции в карельско-финляндском приграничье, действия «Карельского полка», подробности военного противоборства между защитниками старого и нового порядка в сопредельных северных регионах. На локальном карельском материале можно проследить, как во время Гражданской войны соотечественники, представители одного этноса, земляки и прежние приятели, даже родственники и члены одной семьи оказывались противостоящими друг другу, а традиционная дихотомия «мы–наши» в оппозиции «они–чужие» была трагически изломана и запутана одновременно.

Ключевые слова: Российская Карелия, Гражданская война, воспоминания.

E. Yu. Dubrovskaya

KARELIAN-FINNISH BORDERLAND IN 1918–1919 IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

The paper deals with poorly studied problems of the Karelian-Finnish borderland history in especially intricate period of 1918–1919. Russian Karelia is considered as the North-Western territory of the former Russian Empire, including the White-Sea Region Karelia inhabited both with the Karelians and the Russians. Upheaval of the Civil war was combined with involving Russian Karelia into the orbit of “big foreign policy”, into reality of “intervention on invitation”.

Memoirs by contemporaries based on the personal plight of a narrator describe the events of the Civil War and intervention in Karelian-Finnish borderland, the activity of the “Karelin Regiment”, the details of military confrontation between the militants of the former and new regime in the adjacent northern regions. At the local Karelian material one can follow how in Civil war compatriots, representatives of the same ethnos, countrymen or former friends, even relatives and members of the same family are opposing each others, while traditional

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

dichotomy “We–Ours” opposing hostile “They–Others” appears to be tragically broken and tangled at the same time.

Keywords: Russian Karelia, Civil War, memoirs.

Изучение периода революции 1917 г. и Гражданской войны на Европейском Севере России принадлежит к числу наиболее актуальных проблем научных разработок. В развернувшихся дискуссиях последних лет предпринимались попытки раскрыть Гражданскую войну во всем многообразии ее связей с Первой мировой войной и предшествующим революционным процессом¹. Такой подход дает возможность взглянуть на события заключительного периода мировой войны и на происходившее в 1918–1919 гг. в Российской Карелии — одном из самобытных национальных районов Российского государства — сквозь призму «системного кризиса», который формировался на протяжении предшествующих четырех лет войны и «революционных» месяцев 1917 г.

Настоящее исследование лежит в русле проблемы трансформации исторической памяти участников и очевидцев военных событий, тесно связанной с ритмом исторического времени и механизмом функционирования исторической памяти различных социальных групп, с особенностями восприятия населением карельско-финляндского приграничья тех общественно-политических перемен в стране, которыми отмечены переломные 1917–1920-е годы².

Отдельные аспекты, связанные с изменением настроений современников событий — гражданских и военных, которые служили в частях, дислоцированных на Русском Севере, рассмотрены О.М. Морозовой³, Л.Г. Новиковой⁴, С.Н. Филимончик⁵. Авторы показали, как возникали противоречия между разнородными социальными и национальными интересами жителей края, как сказывался на общественной жизни режим «военного коммунизма», проследили его воздействие на психологическое состояние людей.

За годы Первой мировой войны Карельский край разительно преобразился, став важным звеном в системе коммуникаций, связывавших Россию через порты Европейского Севера с союзными странами Антанты. По его территории в кратчайшие сроки была проложена Мурманская железная дорога, соединившая Петроград с незамерзающими гаванями Мурмана. События всемирно-исторической важности, связанные с Первой мировой, сыграли особую роль для Русского Севера, став своего рода проектом даль-

нейшего социального и экономического развития края на протяжении всего XX столетия⁶. Период революции 1917 г. и последовавшей за нею Гражданской войны — один из важнейших переломных этапов в истории как России и Карелии, так и Финляндии, обретшей независимость на рубеже 1917–1918 гг.

Для истории Карелии XX в. военная тематика остается одной из самых актуальных, прежде всего в силу геополитического фактора, поскольку пограничное положение края создавало предпосылки для вольного, а чаще — невольного участия населения в вооруженных конфликтах России с иностранными государствами. Это очевидно и для ситуации 1918–1919 гг., когда территория Карелии, как российско-финляндское приграничье, так и Карельское Поморье, перестали быть окраиной государства в прямом смысле слова и приобрели важное стратегическое значение для всей страны⁷.

Наряду с внутривосточными боевыми конфликтами различного характера и направленности (Красная армия / белогвардейские войска Временного правительства Северной области (ВПСО) в Архангельске или национальные формирования карелов / русские красные или белые части) ареной внешней, союзнической и финской интервенции стали Карельское Поморье, Обонежье и приграничные волости Карелии⁸. Обращают на себя внимание интересы, планы и реальные действия в отношении России стран Антанты и Четверного союза — двух борющихся между собой в годы Первой мировой войны международных военно-политических коалиций.

В отличие от Севера России, в Карелии не существовало Белого движения и сильной оппозиции советской власти, хотя весной 1918 г. в крае произошел ряд выступлений против нее. Несмотря на то что часть Беломорской Карелии весной 1918 г. оказалась оккупированной интервентами и русскими белогвардейскими войсками, это были силы, пришедшие извне, и самостоятельного Белого движения в крае не сложилось. Истоки Гражданской войны в Карелии находились в деревне, в конфликтах между бедными и зажиточными слоями, и в противостоянии между городом и деревней⁹.

Сбор воспоминаний очевидцев, проводившийся в советской России в качестве грандиозного государственного проекта с начала 1920-х годов, создал источниковую базу для исследования памяти о Гражданской войне и героях «военного лихолетья», в частности о национальных героях Карелии и их репрезентации в памяти народа. В 1930-е годы по инициативе

сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института под руководством Ээро Хаапалайна, осуществлялся сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. В период революции 1918 г. и гражданской войны в Финляндии Хаапалайнен был уполномоченным по внутренним делам в правительстве «красных финнов» и занимал должность Главнокомандующего Красной гвардии. Став руководителем историко-революционной секции, он хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о том, что происходило в годы его тревожной молодости¹⁰.

В Научном архиве Карельского НЦ РАН хранятся воспоминания о служивших в национальных вооруженных формированиях в Карелии уроженцах Беломорской Карелии Григории Лежоеве, Николае Ругоеве, Ристо (Григории) Богданове, ухтинце Ииво Ахава — командире «Финского», или «Мурманского», легиона и др.

Этот легион, базировавшийся с мая 1918 г. в Княжьей Губе, состоял из «красных финнов», главным образом эмигрировавших в советскую Россию после поражения финляндской революции. Он выступал против финских белых во взаимодействии с силами союзной интервенции на севере, поскольку вторжение белофинских отрядов в Карелию вызвало серьезные опасения у союзников. «Мурманский легион», отряд финской Красной гвардии, был сформирован в г. Кандалакша 3 февраля 1918 г. по инициативе И. Ахава. Помимо «красных финнов», в отряд вступили их соотечественники, работавшие на строительстве железной дороги и лесозаготовках в Северной Карелии, в частности на лесопильных заводах Поморья, где трудились около тысячи финских рабочих.

Э. Хаапалайнен свидетельствует, что участники собрания в Кандалакше оказались единодушны в том, что начатую в Финляндии «революцию рабочих необходимо поддержать, так как урочная работа в это время ничего ожидаемого не обещала». Они заявили, что лишь «образованием Красной гвардии» можно «спастись от затруднительного положения»¹¹, и выбрали ответственных за обеспечение вооружением и продовольствием. Четверых представителей направили через Петроград в Гельсингфорс (Хельсинки) с поручением добиться у советских властей разрешения на организацию в Северной Карелии «ударной группы в тылу у белых».

Главный штаб руководства финляндской Красной гвардией, действовавший в Гельсингфорсе, принял предложение рабочих Кандалакши и сразу же приступил к организации экспедиции для сопровождения оружия и продовольствия в Карелию и Мурманск. В середине марта по ходатай-

ству правительства «красных финнов» из Петрограда на север был отправлен вагон с оружием. Двигаясь через Петроград и Петрозаводск, экспедиция прибыла в Кандалакшу 18 марта и доставила, по словам мемуариста, тысячу винтовок, миллион патронов, четыре пулемета системы «Максим» и 120 лент пулеметных патронов¹².

К этому времени в Кандалакше собралось до 900 рабочих — финнов и карел, готовых вступить в ряды Красной гвардии, были здесь и представители карельских крестьян. По меркам Беломорской Карелии этот отряд составлял серьезную силу, тем более что вскоре численность и боеспособность красногвардейцев увеличились за счет притока финских рабочих-беженцев, которые перешли границу, спасаясь от преследований белых в Северной Финляндии¹³.

Когда весной 1918 г. «Мурманский легион» был сформирован, командование британских экспедиционных войск назначило И. Ахава, как человека, имевшего опыт участия в сражениях, начальником фронта. Начальником его штаба стал финн-портной Алексей Туорила¹⁴. То обстоятельство, что командование отрядом финской Красной гвардии принял на себя карел Ииво Ахава, было весьма важным для успеха начинания.

Он был сыном известного коммерсанта из Ухты Пааво Ахава, вдохновителя созданного в 1905 г. Союза беломорских карел и прозванного за это «Карельским Пааво». Поскольку П. Ахава, как и многие успешные торговцы из Беломорской Карелии, сумел переехать в Великое княжество Финляндское, автономное в составе Российской империи, его сын мог избежать призыва на военную службу. Познакомившись с социалистическими идеями в рабочем союзе г. Куусамо, куда он вступил с разрешения отца, Ииво скептически относился к появлявшимся в официальной печати сообщениям с фронта. «Во время мировой войны, — вспоминает один из красногвардейцев Антти Кангасниemi, знавший И. Ахава с детства, — он читал газеты, подводил по ним итоги, иногда ругаясь, что все врут», и решил «пойти сам посмотреть»¹⁵.

И. Ахава вступил добровольцем в российскую армию, участвовал в сражениях Первой мировой. За личную храбрость, проявленную во время военных действий в чине унтер-офицера, в 19 лет он дважды был награжден Георгиевским крестом. Во время гражданской войны в Финляндии был на стороне красногвардейцев, в 1918 г. в Северной Карелии командовал эмигрировавшими в советскую Россию «красными финнами».

А. Кангасниemi, служивший курьером в штабе «Мурманского легиона», однажды встретился с И. Ахава в дер. Кананен недалеко от финлянд-

ской границы во время отступления отряда из Кандалакши. Тот посетовал, как трудно управлять необученной частью, ведь далеко не в каждой роте было хотя бы несколько бойцов, получивших военную подготовку. Сам автор воспоминаний, прошедший военную службу, услышал от Ииво упрек в том, что согласился на должность посыльного при штабе и не пошел на фронт¹⁶. В сентябре 1918 г. Ахава перешел в «Карельский отряд», встав во главе его вместе с другим бывшим фронтовиком Григорием Лежоевым¹⁷.

С лета 1918 г. на политическую ситуацию в крае начало заметно влиять то обстоятельство, что устремления финнов стали получать поддержку населения Беломорской Карелии. Здесь помнили о том, что в 1917 г. Временное правительство России не прореагировало на предложение предоставить автономию Беломорской Карелии. Перестали надеяться в этом смысле и на советское правительство, зато очевидным был успех Финляндии, которая смогла обрести и защитить свою независимость.

Дислоцированный в с. Ухта (совр. пос. Калевала) финский отряд под командованием К.В. Мальма состоял из вновь набранных в Финляндии добровольцев. Они заменили тех участников апрельского похода на Кемь и в Карельское Поморье, которые были отпущены по домам в мае 1918 г., после отставки К.Г. Маннергейма с поста главнокомандующего войсками страны¹⁸. К августу на оккупированной финнами территории Беломорской Карелии, главным образом в Ухтинской и Вокнаволоцкой волостях, сформировалось до 15 малочисленных шюцкоровских отрядов.

Вступившие в них карелы находились под сильным впечатлением от массовых «племенных праздников» в с. Ухта, которые в июле с пропагандистскими целями проводились Карельским просветительским обществом и Восточно-карельским управлением. Петров день, отмечающийся в Ухте 12–14 июля 1918 г., превратился в своего рода праздник независимости Ухты.

«Карельский полк» («Отряд», как его называли карелы¹⁹) ставил целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывал не более двух-четырёх сотен бойцов. Он был сформирован в конце апреля в г. Кемь под руководством бывшего фронтовика Григория Лежоева (Рикко Лесонена), уроженца с. Кивиярви Вокнаволоцкой волости. Об этом свидетельствует Г.Х. Богданов, который летом 1918 г. организовал отряд из карельских крестьян Вокнаволоцкой и Тихтозерской волостей Кемского уезда, а впоследствии стал членом Карельского ревкома²⁰. «Карельский полк» состоял из карелов, ранее работавших на Мурмане, и первоначально насчитывал около трех десятков бойцов. Они видели свою задачу в том, чтобы вытеснить из Ухтинской волости вторгшихся из Финляндии сторон-

ников «воссоединения финно-угорских племен» и спасти от голодной смерти население северно-карельских волостей: будучи отрезанными от Южной Карелии, они не снабжались продовольствием²¹. Отряд просил оружия в Ревкоме Кеми, но его не было. Безуспешными остались и обращения в Петроград, поступление оружия оттуда задерживалось²².

По воспоминаниям участника и очевидца событий 1918 г., британского профессионального военного и политика Филиппа Дж. Вудса²³, в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии были англичане. Белые сформировали для борьбы с большевиками Российскую народную армию, их главные силы действовали в зоне Мурманской железной дороги, а станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой дать им оружие и военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 человек²⁴. Отряд возник благодаря сотрудничеству местных жителей и англичан, движимых одной целью — изгнать финнов из Карелии. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально, фактическое командование осуществлялось англичанами²⁵. Отряд организовался под лозунгами «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»²⁶.

Воспоминания об инициативе англичан, оказавшихся организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финнов, долгие годы не вводились в научный оборот. Они мало соотносились с базовым мифом о Гражданской войне, который ко времени создания СССР уже принадлежал к основным мифам возникшего многонационального Советского государства²⁷. Такими же «неудобными» оказывались подробности, связанные с историей «Карельского полка», действовавшего под британским командованием²⁸.

Видимо, поэтому во многих воспоминаниях его бывших бойцов обнаруживаем попытку вывести историю этого вооруженного формирования из первых обращений недавних фронтовиков-карелов в Кемский уездный совет, которые еще весной 1918 г. просили оказать помощь бойцами, продовольствием и оружием для освобождения родных деревень от финских интервентов.

По свидетельству Ивана Федоровича Лежоева, «там мы получили поддержку и все для первой необходимости. Уездсовдеп предложил нам начать

вербовку карел из наших деревень» и строителей, работавших на линии Мурманской железной дороги. «Мы горячо взялись за работу», хотя она «была трудной в условиях белофинской оккупации и начавшейся интервенции иностранных империалистов на Севере России», — пишет автор воспоминаний. После того как 2 июля 1918 г. войска недавних союзников России по блоку Антанта захватили Кемь, а «Совет был разогнан и лучшие люди расстреляны и посажены в тюрьмы», отряд был «арестован и распущен». Лишь после этого командира отряда Григория Лежоева земляки послали в штаб английского командования с тем, «чтобы получить разрешение о выступлении отряда против белофиннов»²⁹.

Аналогичным образом вспоминает о «добританской» истории полка и Алексей Петров из дер. Контокки: «...англичане прибыли в Кемь из Мурманска в июле 1918 г., заняли его и арестовали только что организованные карельские добровольческие отряды». Арестованных повели на станцию, «где английский штаб учинил всем допрос». После достигнутой с интервентами договоренности «пойти против белых (финнов. — *Е.Д.*)», если англичане дадут оружие и провиант, «английский генерал хотел включить в наши ряды своих людей и офицеров, но мы от этого отказались и требовали, чтобы нам разрешили выбрать из своей среды все начальство», — свидетельствует очевидец³⁰.

Служивший в разведотряде «Карельского полка» Борис Андронов из дер. Шуезеро начинает рассказ о его организации с событий августа 1918 г., когда из Кеми в деревню прибыл один из земляков для вербовки бойцов в отряд. По его воспоминаниям, «белофинны захватили пограничные деревни Карелии, вследствие чего из этих деревень карельские мужики сбежали партиями в Кемь, где тогда находился английский десант». Там они «обратились к англичанам с просьбой выдать им оружие, провизию и амуницию, чтобы выступить в борьбу против белофиннов, непристойное командование которых надоело карельскому населению. Англичане охотно приняли это предложение»³¹.

Как пишет автор воспоминаний, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, Сороки и других рабочих поселков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только карелов»³². Такие свидетельства не очень вписываются в долгие годы господствовавшие в исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. И уж совсем неподходящим для публикации оказалось вычеркнутое из редактируемого текста воспоминание

Федора Лесонена о военном обучении бойцов отряда английскими офицерами. Учеба «усиленно велась до лета» (1919 г. — *Е. Д.*), и «нам было ясно, что готовят нас против Красной армии и советской власти»³³.

Обращает на себя внимание фрагмент воспоминаний Ф.А. Лесонена о том, как реагировали командиры полка, узнав о намерении бойцов установить контакт с «Финским легионом», который действовал на Мурмане и отказывался воевать против Красной армии. В ответ на попытку батальона «Карельского полка» связаться с одной из красноармейских частей командиры собрали батальон на ст. Кемь, окружили его вооруженными сербами и англичанами, «выступали с речами и требовали, чтобы мы выехали на фронт». Один из них «показал нам кусок черного хлеба, испеченный для животных, и кричал, что «вот такой хлеб едят красноармейцы, конец которых уже близок». Примечательна ремарка Лесонена, характеризующая недовольство, а вместе с тем подавленность и запуганное состояние бойцов батальона: «Мы все молчали и возмущались... Большинство молчало и думало о возвращении домой, к семьям»³⁴.

Когда батальон все же отказался выехать на фронт, англичане сменили политику «кнута» на политику «пряника». Они открыли склады обмундирования и продовольствия, которые карелы прозвали «складами-приманками». Оттуда «любой из нас мог “свободно” получить все, что требуется для солдата, две пары белья, обувь и верхнюю одежду, но требовали при получении показать свой номер, которым наградили нас», присвоив его как «своим подчиненным, солдатам-слугам». Кроме того, «каждый должен был оставить в их бумагах отпечаток своего указательного пальца», — пишет Ф.А. Лесонен³⁵.

«Даже пайки продовольствия давались нашим семьям», — продолжает автор воспоминаний, — но «когда кое-кто воспользовался этой “добротой” интервентов и скрылся с оружием, то “склады-приманки” были ими сожжены», англичане «усилили охрану дорог и отобрали оружие у всех нас»³⁶. Связи с «Финским легионом» установить не удалось, началось дезертирство. «В числе первых бежал Г.И. Лежоев с группой солдат», но бежать удалось не всем. Многих из оставшихся «посадили в тюрьму или в лагерь, находившиеся на Попове острове. Часть отряда насильно и обманом посадили в теплушки и вместе с сербами отправили на фронт»³⁷.

По сравнению с красноармейскими частями белые войска, и в их числе «Карельский полк», снабжавшиеся продовольствием из стран Антанты, находились в более выгодном положении и могли избежать массовых реквизиций у населения. Однако, вспоминая о службе в полку, Ф.И. Лесонен

неожиданно сообщает следующее. Находясь на охране границы, его отряд получал английский паек, который в воспоминаниях 1930-х годов автор называет «скудным», в то время как многие семьи голодали. «Неурожай и недостаток продовольствия вынудили нас создать комбеды в ряде деревень. Через них мы конфисковали излишки хлеба у местных кулаков. Хлеб был роздан для нужд отряда и беднейшего крестьянства»³⁸.

В этом отрывке, вероятно, нашло отражение не только желание автора воспоминаний максимально «приблизить» боевой путь «Карельского полка» с его «сомнительным», с точки зрения общества победителей, прошлым к реалиям жизни частей Красной армии. Непредставимые в Беломорской Карелии «комбеды» из рассказа Ф.И. Лесонена все же наводят на мысль, что отношения бойцов «Карельского полка» с населением родных деревень не были такими уж безоблачными и что в годы Гражданской войны не только красноармейские части оказывались перед необходимостью заниматься самоснабжением. Хотя, конечно, в северокарельском приграничье не проводились массовые насильственные реквизиции, подобные тем, которые становились чуть ли не повседневностью в населенных пунктах Южной Карелии и которые приводили многих из ее жителей в стан противников советской власти.

Многочисленные пассажи на страницах записанных в 1930-е годы воспоминаний о Гражданской войне связаны с разоблачением кулаков, купцов, торговцев, офицеров старой армии. В представлениях их авторов те становились воплощением inferнального зла, центром заговора и виновниками всех бед. Однако задолго до революции и Гражданской войны крестьянская культура, воспринимавшая себя как замкнутую систему, любой вариант увеличения чьих-то благ расценивала как перераспределение коллективного достояния за чужой счет.

Понижение статуса закона в представлениях карельского населения связано с недостатками как в финляндской, так и в российской правовой системе, с которыми приходилось сталкиваться и коробейникам — торговцам на финской территории, и налогоплательщикам в имперскую казну. Отсюда известные по литературе рассказы о плутовстве карельских коробейников, хваставшихся друг другу тем, как удалось одурачить земляка-купца, давшего денег взаймы, или владельца лавки в Финляндии, снабжавшего товаром торговцев вразнос: «мироедов», наживающихся «на чужом разорении», не грех и обмануть³⁹.

Отголоски таких рассказов слышны в сохранившихся воспоминаниях бойцов «Карельского полка» о том, как они записывали в отряд ради полу-

чения пайка стариков и женщин, так что на бумаге отряд разрастался до нескольких тысяч человек. В отличие от «белых финнов», довольно дисциплинированные английские части все же скоро смогли завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря чему удалось предотвратить голод в северокарельских волостях.

Во время инспекторских проверок, изредка проводившихся англичанами в карельском приграничье, для усиления впечатления многочисленности «Карельского полка» на охрану границы отправляли стариков. Принимая начальство, организовывали своего рода «художественную самодеятельность», чтобы заручиться добрым отношением со стороны «спонсоров»⁴⁰. «По прибытию на место, — вспоминает И.Ф. Лежоев, — командиры отряда сами решили увеличить число бойцов до нескольких тысяч, хотя фактически в отряде было около 600 человек». Автор воспоминаний пояснил, что этим командиры хотели «оказать помощь нашим семьям и беднейшей части крестьян». Однако английское командование решило для проверки послать в приграничье своих представителей, и военное руководство полка вынуждено было принять «усиленные меры»: «Во всех деревнях, где находились люди отряда, была проведена дополнительная запись <...> и начата строевая подготовка с “новобранцами”. Мобилизованы были даже старики. Тогда и я вернулся в отряд после болезни. Все солдаты знали свои места в случае проверки. Даже группа из молодых, в том числе и я, готовили вечер художественной самодеятельности».

Бойцы отряда получили приказ Г.И. Лежоева показать «товар лицом», то есть «необычайно разросшийся отряд». Как пишет автор воспоминаний, «мы привлекли для участия в параде, да и вообще в “торжествах” мужчин почти всех деревень». Проверка прошла удачно, поскольку «англичане и после продолжали снабжать отряд, вероятно, надеясь, что получат огромные силы для выполнения своих антисоветских планов». Когда «комиссия была выпровожена, крестьяне вернулись к своим занятиям. Важно было вырвать у англичан продовольствие для голодающих»⁴¹.

Однако все эти ухищрения на деле соотносимы с практиками выживания в кризисной ситуации. Как и прежние проявления «плутовства» корабейников, они имели вынужденный характер. Английские военные оказались олицетворением государства, к тому же чужого, которое можно и обмануть, несмотря на заключенный с ним договор. Свидетельства источников подтверждают этнографические данные о том, что в карельской народной культуре начала XX в. существовала достаточно четкая оппози-

ция между представлениями о законе и справедливости. Понятия «закон» и «мораль» стояли по разные стороны уже в традиционной культуре карелов, и население приграничья оказалось подготовленным к тому, что обход закона есть средство выживания и компенсации социальной отверженности, которое в годы войны нашло широкое применение.

Страницы воспоминаний С.И. Леттиева воссоздают картину страшного озлобления той и другой противостоявших сторон — вскоре это психологическое состояние станет определять не только взаимоотношения с «соседями» из-за кордона, но и с собственными односельчанами: «Осенью 1918 г. первые банды белофиннов отступали из карельских деревень (из г. Кеми) только по р. Кемь до дер. Вокнаволока, так как карельские разведчики выгоняли их из всех деревень по тракту к Финляндии, не давая нигде остановиться на отдых. Когда финны осенью уходили из с. Ухта к дер. Вокнаволоку, то в отместку карелам за их “негостеприимство” почти во всех домах, где жили финны, разбивали рамы и окна. На это и жители карельских деревень отвечали финнам тем, что в деревнях никого из финнов не пускали в свои избы глубокой осенью»⁴².

В заключение следует отметить, что источниковедческий анализ воспоминаний бойцов «Карельского полка» открывает перспективы для дальнейшего исследования проблемы трансформации исторической памяти населения карельского приграничья — очевидцев событий военной интервенции и Гражданской войны на Севере России. Особенностью складывавшегося в эти годы образа беспощадного противника стало то, что в восприятии карелов враждебными оказывались Финляндия и финны: будь то «белые» или «красные финны», сражавшиеся в рядах «Мурманского легиона», а позже — в 6-м финском полку в составе частей Красной армии. О последних один из героев повествования Н.М. Якколы «Водораздел» восклицает с досадой: «Ох уж эти руочи (презрительный этноним, дословно “швед”, использовавшийся карелами для обозначения финнов. — Е.Д.)... Не удалось прийти в Карелию белыми, так они пришли красными»⁴³.

Причина неудачи походов интервентов кроется прежде всего в том, что местное население их не поддержало. Свою роль сыграла и английская пропаганда, которая представляла финнов союзниками немцев в дополнение к результатам четырехлетней официальной пропаганды военного времени, сформировавшей образ главного врага Российской империи.

По окончании военных действий в приграничье осенью 1918 г. «Карельский полк» начал количественно увеличиваться. Уже через два месяца буквально все мужское население от 17 до 50 лет вступило в отряд, насчи-

тывавший к тому времени до трех тысяч бойцов. К декабрю 1918 г. численность бойцов возросла до 3600 человек (по сведениям, приводимым Н. Бароном, к концу года в полку находилось около четырех тысяч солдат)⁴⁴. Отряд представлял собой значительную силу, особенно если учесть, что в русской Белой армии на Севере в это время насчитывалось 1000 человек. Формально отряд, снабжавшийся англичанами продовольствием, охранял финскую границу. Вся общественная жизнь на территории Вокнаволока, Ухтинской, Контокской, Олангской, Кестеньгской, Тихтозерской, Тунгудской, Вычетайбольской волостей была военизированной⁴⁵.

«Карельский полк», предназначенный английским командованием для изгнания финских отрядов из Российской Карелии, после того как эта цель была достигнута, оказался во власти не предвидевшихся англичанами внутренних процессов. Возникшие противоречия в конечном счете привели к разрыву карельского национально-освободительного движения с бывшими союзниками России. Весной 1919 г., уже после завершения Первой мировой войны, англичане стали расформировывать «Отряд» и переводить его бойцов в русские части Белой армии для сражений на фронтах Гражданской войны.

Известные как «герои Гражданской войны» — лишь те, кто в конце концов перешел на сторону советской власти и был готов с ней сотрудничать, — руководители национального карельского формирования демонстрировали, однако, множественные идентичности. Национально-демократическое движение карелов глубоко уходило корнями в присущее северному крестьянству сознание своей независимости и внутреннее сопротивление мероприятиям, которые исходили от государства и чиновничества, преследовавшего интересы государства⁴⁶. Тем не менее среди карельского населения разброс мнений по вопросу о будущем Российской Карелии оказался весьма широк. Здесь не сложилось единое национальное движение, ведь в числе обсуждавшихся вариантов оказались проекты, отстаивавшие как независимость Карелии, так и ее автономию в составе России или Финляндии.

* * *

¹ Витухновская-Кауппала М.А. Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: образы общего прошлого: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2014. С. 299–314; Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 37–39; Гришанин П.И. Гражданская война и Белое движение в исследовательской практике конца 80 — начала 90-х гг. XX в.: историографиче-

ское осмысление // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 48–62; Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992.

² Васильев А.Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему М.; СПб. 2009. С. 56–68; *Он же*. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 19–49; Кожевин В.Л. Историческая память в контексте исторического сознания российского офицерства (первая четверть XX в.) // Культура исторической памяти: материалы науч. конф. Петрозаводск, 2002. С. 66–71; Разумова И.А. Семейные военные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. / под ред. О.Е. Лебедевой, М.В. Строганова. Тверь, 2005. С. 81–89.

³ Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012.

⁴ Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и гражданская война на Русском Севере. 1917–1920. М., 2011; *Она же*. Когда завершилась Первая мировая война на Севере России? // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы Междунар. науч. конф. Архангельск, 2014. С. 57–65; Novikova L. Zemstvo, State and Peasants in Arckhangelsk Province, 1917–1920 // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 1: Russia's Revolution in Regional Perspective / [ed. S.Badcock, L. Novikova, A. Retish]. Bloomington, Indiana, 2015. P. 87–108.

⁵ Филимончик С.Н. Горожане и власть в Карелии в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: региональные проблемы: материалы науч. конф. Мурманск, 2004. С. 99–103; *Она же*. Олонец в годы революции и Гражданской войны (1917 — начало 1920-х гг.) // Олонец. Историко-краеведческие очерки: в 2 ч. Петрозаводск, 1999. Ч. 2. С. 6–28; *Она же*. Опыт военного строительства периода Первой мировой войны и советская модернизация Карелии // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы Междунар. науч. конф. Архангельск, 2014. С. 52–57. См. также: Пашков А.М., Филимончик С.Н. Петрозаводск. СПб., 2001.

⁶ Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2014. С. 289–294.

⁷ Барон Н. Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. Сер. «Гуманитарные исследования». 2011. Вып. 2, № 6. С. 90–96; Витухновская-Кауппала М.А. Карельский крестьянин в горниле Гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: сб. статей. Петрозаводск, 2013. С. 172–211; *Она же*. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006; Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М., 1993; Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.

⁸ Историографию проблемы см.: Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб., 2017.

⁹ Осипов А.Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

¹⁰ Такала И.Р. Ээро Хаапалайнен — революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1996. Вып. 2. С. 187–193.

¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 114. Л. 138–139. Хаапалайнен Э. Из истории Карельского полка. Общий обзор.

¹² Там же. Л. 139.

¹³ Kauppala P. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksaleines sozialistischen Regional experiments: Diss. Freiburg, 1992. = Freiburger Dokumentenserver. URL: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/>. S. 24.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 125. Л. 1–3. Кангасниemi А. Ахава Иван (Афанасьев). Воспоминания о своем земляке, участнике Первой мировой войны.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁷ Vuoristo V. Majuuri Riiko Lesonen // Karjalan heimo. 1971. № 11–12. S.182–183; Kauppala P. Op. cit. S. 28.

¹⁸ Sotamarsalkka Mannerheim. Helsinki, 1937. S. XV–XVI; Йокиппи М. Финляндия и Восточная Карелия в период так называемых «племенных войн» 1917–1922 гг. // Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 318–320.

¹⁹ Витухновская-Кауппала М.А. Воспоминания учителя В. Кейняса о съезде депутатов одиннадцати карельских волостей в селе Ухта. 1920 // Исторический архив. 2013. № 4. С. 99–101.

²⁰ Иванова Л.И. Григорий Харитонович Богданов — общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка // Краеведческие чтения: материалы XI науч.-практ. конф. (16–17 февраля 2017 г.). Петрозаводск, 2017. С. 279–298.

²¹ Богданов Х.Г. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда // Карело-Мурманский край. 1927. № 10/11. С. 7–13; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 142. Л. 16–17. Леттиев С.И. Белокарельское правительство «Тоймикунта». Борьба карельского добровольческого отряда с белофиннами вместе с красновардейцами 6-го финского полка.

²² Степанов О. Прошлое и настоящее Беломорской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 292–293.

²³ Полковник Филипп Дж. Вудс. Карельский дневник // Король Карелии. Полковник Ф.Дж. Вудс и британская интервенция на Севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары / Н. Барон; [пер. с англ. А. Голубева]. СПб., 2013. С. 19–168.

²⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98. Воспоминания И.Ф. Лежоева.

²⁵ Степанов О. Указ. соч.; *Vahtola J.* «Suomi Suureksi — Viena Vapaaksi». Valkoisten Suomen ryrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 365, 453.

²⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 56. Лесонен Ф.А. Борьба с белофиннами в Калевальском районе в 1918–1920 гг. «Карельский добровольческий отряд».

²⁷ *Нарский И.В.* Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 222–223.

²⁸ *Polyakova T.* The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2016. Вып. 1. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=482> (дата обращения: 03.05.2017).

²⁹ НА Кар НЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 96–97.

³⁰ Там же. Оп. 31. Д. 220. Л. 9–10.

³¹ Там же. Д. 219. Л. 1.

³² Там же. Л. 2.

³³ Там же. Оп. 20. Д. 140. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 59.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 24

³⁸ Там же. Л. 22, 58.

³⁹ *Яккола Н.М.* Водораздел. Петрозаводск, 1985. С. 44–45.

⁴⁰ НА Кар НЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 100.

⁴¹ Там же. Л. 100, 107.

⁴² Там же. Д. 142. Л. 12.

⁴³ *Яккола Н.М.* Указ. соч. С. 538.

⁴⁴ *Барон Н.* Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // *Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на Севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары* / Н. Барон; [пер. с англ. А. Голубева]. СПб., 2013. С. 223.

⁴⁵ *Богданов Х.Г.* Указ соч.; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 36. Д. 1; *Vahtola J.* Op. cit. S. 345–390, 451; *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo, 1970. S. 102.

⁴⁶ *Kauppalä P.* Op. cit. S. 27; *Churchill S.* Op. cit. S. 103.